

На правах рукописи

Философов Игорь Юрьевич

**ФЕНОМЕН ГЕРОИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ
СКАНДИНАВИИ: ИДЕАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ПОВЕДЕНЧЕ-
СКАЯ ПРАКТИКА (ПО ДАННЫМ ЭДДИЧЕСКИХ ПЕСЕН И
САГ О ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ)**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Саратов – 2011

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Галямичев Александр Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Глебов Андрей Германович

доктор философских наук, профессор
Михайлин Вадим Юрьевич

Ведущая организация: **Ставропольский государственный университет**

Защита состоится **22 декабря 2011 г. в 14.00** часов на заседании Совета Д 212.243.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 401.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского: г. Саратов, ул. Университетская, 42, читальный зал №3.

Автореферат разослан «___» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

Л.Н. Чернова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Главной проблемой в отношении начала эпохи викингов остается переход от вполне «инкубационного» состояния Скандинавии после ее культурного обособления, после завершения Великого переселения народов, к достаточно интенсивной и осуществляемой в различных формах экспансии. В рамках европейской и американской науки основное место при попытке решить эту проблему по-прежнему отводится «материальному фактору» – резкому демографическому скачку при нехватке собственных пищевых и земельных ресурсов, качественному развитию технологий кораблестроения и т.д. Напротив, отечественная наука уже в 1960-1980-х гг. сделала основной упор на факторах иного рода – перерождении родового общества в новую форму социальной структуры и формировании *нового типа ментальности*, повышении «престижа» походного способа бытия.

Действительно, в случае древней Скандинавии мы имеем дело с уникальной социокультурной ситуацией, в которой воинская составляющая является однозначной доминантой (не случайно поэтому в научной и научно-популярной литературе устойчивый характер приобрел неверный по сути конструкт «общество викингов»), а все мировоззренческие, ценностные, этические установки претерпели изменения, придя в соответствие с доминирующим воинским этосом.

Не в последнюю очередь благодаря тому, что переживаемое нами время в мире в целом и в России в частности представляет собой в известной степени «слом эпох», исключительную значимость приобретает изучение такого рода мировоззренческих переворотов, катализируемых ими процессов *маргинализации* и *варваризации* социума, а также связанных с этими процессами политических и экономических изменений.

С другой стороны, интерес к скандинавской тематике еще со времен первых «норманистов» отличает отечественную историографию. Наиболее рельефным среди этих сюжетов в контексте исследования предстает феномен северной дружины, генетически и структурно связанной с ранними дружинами Руси. Сам же этот феномен теснейшим образом связан с пластом скандинавской воинской традиции, находящимся в фокусе внимания в данном диссертационном исследовании.

Объектом исследования выступает в данной работе феномен героического поведения – специфически мужского, маргинального комплекса поведенческих норм, обусловленного нахождением носителя в особых пространственно-временных условиях (Периферии) и служащего отправной точкой для выстраивания адекватной этим условиям системы культурных кодов.

Предметом исследования являются героические поведенческие инварианты и связанные с ними ритуальные практики, нашедшие отражение в образах героев скандинавского эпоса (песнях Старшей Эдды и исландских сагах), а также взаимосвязь этих поведенческих инвариантов с процессами маргинализации, милитаризации и мобилизации древнескандинавского общества, определившими его уникальный облик.

Географические границы исследования весьма обширны, что находит объяснение в самом характере изучаемой проблематики. Основной географической зоной, охваченной в исследовании, закономерно является Скандинавский субконтинент, Ютландский полуостров и северные острова, включая Исландию – то есть регионы, формирующие собственно древнюю Скандинавию. Однако при обращении к частным сюжетам работы и объяснении некоторых ее положений используется материал, относящийся и к другим территориям – например, к Поднепровью, месту возникновения древнего готского государства.

Хронологические рамки исследования также охватывают достаточно продолжительное время: изучаемая проблематика скандинавской архаики может быть соотнесена с IV-IX вв. н.э., хотя большая часть основных источников возникла в более поздние времена (XII-XIV вв.).

Целью данного диссертационного исследования является осмысление феномена героического поведения как фактора развития древнескандинавского общества, мировоззренческой предпосылки начала экспансии викингов и элемента культурного кода, формировавшего поведенческую модель скандинавского мужчины-воина.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) Выявить причины и пути возникновения феномена героического поведения, связанные с дисбалансом сфер жизни социума древней Скандинавии;

2) Определить основные черты героической модели поведения, способы ее активации и деактивации;

3) Выделить основные инварианты героического поведения, отраженные в источниках, и осуществить их сравнительный анализ;

4) Проследить влияние героической интерпретирующей традиции на более ранние поведенческие образцы.

Методологическая основа данного исследования. В рамках выполнения задач диссертационного исследования будет проведена апробация ряда гипотез, принадлежащих сфере культурной и социальной антропологии и прежде не проверявшихся на скандинавском материале. В работе обрисована особая модель, применяемая с целью более адекватного осмысления ряда фундаментальных социально-психологических механизмов скандинавской архаики.

С точки зрения собственно методов исследования, в диссертации соблюдаются основополагающие принципы историзма, объективности и научной достоверности. Так, принцип историзма обусловил изучение процессов, протекавших в изучаемый период, в динамике и хронологической последовательности. Принцип объективности, диктуемый преодолением опасности априорных суждений, предполагает по возможности беспристрастное изучение проблемы героического поведения вне сформировавшихся стереотипов и схем – как обыденного, так и научного сознания. Принцип научной достоверности, наконец, подразумевает необходимость как можно более полного

критического анализа используемых источников. Помимо этого, был применен широкий круг специфических методов, среди которых метод системного анализа, метод построения гипотез и гипотетической реконструкции, сравнительно-исторический метод и близкие к нему методы дисциплинарной и структурной аналогии, метод моделирования и транспонирования готовой модели, условно-критический метод. В исследовании также использовался междисциплинарный подход: в частности, значительное место занимают средства научного исследования, присущие культурной антропологии, социальной психологии и исторической географии.

Вопрос о **степени научной разработки темы** диссертации представляется весьма сложным. Во-первых, проблема феномена героического поведения прежде не ставилась как таковая (по меньшей мере, в подобной формулировке); во-вторых, отчасти вследствие вышеприведенного пункта, сложно говорить о некоей прослеживаемой «эволюции взглядов» на тот или иной вопрос, которую можно было бы зафиксировать на временной шкале. Зачастую хронологически более ранняя точка зрения видится мне более верной, полнее и многограннее отражающей действительность или представляющей большую научную значимость, чем более поздняя. Более того, даже отсутствие важных данных, полученных позднее, и ошибочные выводы, сделанные хронологически более ранним исследователем, не являются основанием для отказа от его трудов как от «устаревших». В-третьих, комплексный характер работы не дает возможности ограничиться исследованиями, принадлежащими одной научной дисциплине в ущерб другим. В работе затрагиваются вопросы, явным образом принадлежащие не только истории, но и смежным, и даже удаленным от нее наукам. Это приводит нас к использованию научной литературы из других областей знания – географической, климатологической и т.д., что неизбежно расширяет круг исследований, используемых в диссертации, и усложняет ее систематизацию.

Однако, поскольку речь в работе идет о мужских, воинских поведенческих практиках, основную линию научной литературы по тематике работы формируют исследования, связанные с совершенно особой и крайне значимой ролью, которую практически во всех индоевропейских обществах (и в скандинавском в том числе) играла такая организация, как мужской воинский союз.

Проблематика мужского союза поднимается в работах Х.Шурца¹, Л.Вайзер², О.Хёфлера³, С.Викандера⁴, Ж.Дюмезиля⁵, А.Принза⁶,

¹ Schurtz H. *Alterklassen and Mannerbunden*. Berlin, 1902.

² Weiser L. *Altgermanische Junglingsweihen und Mannerbunde*. Buhl, 1927.

³ Höfler O. *Kultische Geheimbünde der Germanen*. Berlin, 1934.

⁴ Vikander S. *Der arische Männerbund: Studien zur indo-iranischen Sprach- und Religionsgeschichte*. Lund, 1938.

⁵ Dumézile G. *Mythes et dieux des Germains - Essai d'interprétation comparative*. Paris, 1939.

⁶ Prins A. H. J. *East African Age-Class Systems*. Groningen, 1953.

Ф.Х.Стьюарда⁷, М.Элиаде⁸, И.Нурдгрена⁹, Т.Брандта¹⁰, Ю.В.Андреева¹¹, А.И.Иванчика¹², К.П.Калиновской¹³ и др.

В области изучения мужских воинских союзов Х.Шурц (в первую очередь классический труд «Возрастные классы и мужские союзы», вышедший в Берлине в 1902 году¹⁴) является родоначальником, впервые введшим в научный обиход само понятие мужского союза. Шурцу, однако, мужской союз виделся исключительно этнографическим феноменом: будучи этнологом, немецкий исследователь стремился описать данное явление применительно к «примитивным» обществам – африканским, южноамериканским, полинезийским и т.д. Он также употребляет термин «мужской союз» в крайне широком значении, подразумевая под *männerbunde* любой способ обособления от противоположного пола, при этом четкое определение мужского союза в работах Шурца отсутствует. Тем не менее, работа немецкого ученого важна не только как легшая в основу изучения мужских союзов, но и как крупный обобщающий теоретический труд по истории и параметрам мужских союзов в различных социумах планеты.

Традициям Шурца следовал и другой этнограф, Х.Уэбстер, написавший и издавший в 1908 году книгу «Первобытные тайные общества»¹⁵. В этой работе, однако, можно отметить те же недостатки, что и в книге Шурца – вновь мужской союз (или «тайное общество») мыслится только как присущий неразвитым этносам за пределами Европы, однако по объемности и разнообразию входящего материала она вполне может конкурировать с трудом предшественника.

Продолжателями линии, заложенной Уэбстером, явились А.Принз и Ф.Х.Стьюард. Первый опубликовал в 1954 году труд «Восточно-африканская система возрастных классов»¹⁶, второй – в 1977 году выпустил книгу «Основы группо-возрастных систем»¹⁷. Эти исследователи продолжали вписывать

⁷ Steward, F.H. Fundamentals of Age-Group Systems. New York, 1977.

⁸ Элиаде М. От Залмоксиса до Чингиз-хана // URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/Chingis/Index.php (дата обращения: 15.04.2010); Он же. Кузнецы и алхимики // Азиатская алхимия. Сборник эссе. М., 1998.; Он же. Обряды и символы инициации: берсерки и герои // URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/Obrjad.php (дата обращения: 15.04.2011); Он же. Священное и мирское. М., 1994.

⁹ Nordgren I. Goterkällan: om goterna i Norden och på kontinenten. Odense, 2000.

¹⁰ Brandt T. The Heruls // URL: <http://www.gedevasen.dk/heruls.pdf> (дата обращения: 18.07.2010).

¹¹ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004

¹² Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // URL: http://liberea.gerodot.ru/a_hist/psy-voiny.htm#* (дата обращения: 17.09.2010).

¹³ Калиновская К.П. Возрастные классы как историческая форма общественной организации: Этноссы Восточной Африки. М., 2010.

¹⁴ Schurtz H. Alterklassen and Mannerbunden. Berlin, 1902.

¹⁵ Webster H. Primitive Secret Societies. New York, 1908.

¹⁶ Prins A. H. J. East African Age-Class Systems. Groningen, 1953.

¹⁷ Steward, F.H. Fundamentals of Age-Group Systems. New York, 1977.

мужские союзы в единую систему возрастных классов, оперируя крайне широким кругом этнографического материала. В русле этой же традиции находятся работы некоторых отечественных исследователей – так, например, Ю.В.Андреев, несмотря на изучение мужских союзов в дорийских городах-государствах¹⁸, большое внимание уделяет именно теории возрастных классов, проводя параллели с первобытными обществами за пределами Европы; в этой же сфере работает и К.П.Калиновская¹⁹.

Немецкая традиция изучения мужских союзов, однако, в 1920-е годы отошла от схемы Шурца-Уэбстера. Значительно меньший по охвату и не претендующий на всеобъемлющий системный анализ труд Л.Вайзер «Древнегерманские практики мужских союзов и юношеские инициации»²⁰ едва ли не первым перенес понятие мужского союза на европейскую почву, и, более того, на почву германо-скандинавскую. Именно в книге Вайзер впервые было высказано предположение о тождественности «эйнхериев», идеальных воинов-членов *Wilde Heer* – «дикой охоты» и юношеских воинских союзов.

О.Хёфлер, выпустивший в 1934 году книгу «*Kultische Geheimbünde der Germanen*»²¹, продемонстрировал, что Один являлся верховным богом именно экстатических воинских братств, и лишь затем был возведен в статус верховного божества. Хёфлер также предположил, что воинский союз «хариев», описанный Тацитом, единосущен «эйнхериям» и «хьяднингам» – идеальным воинским союзам скандинавской мифологии и эпоса и связан с одиноческой традицией.

Ж.Дюмезиль, несомненно, знакомый с работами Хёфлера, в 1939 году²² отметил «дрейф» германской религиозной и ритуальной традиции «в сторону насилия». Французский исследователь, вслед за Хёфлером, видел проблему в мифологии Одина и в поддерживающих его воинах-членах мужских союзов, в аккумулируемой ими *wut* – ярости.

Следующим в ряду исследований, посвященных индоевропейским мужским союзам, следует назвать работу С.Викандера «Арийские мужские союзы», вышедшую в 1938 году²³. Изучавший не германские, а иранские воинские братства, шведский ученый, однако, одним из первых обратил внимание на звериные, а именно волчьи коннотации в образах юных воинов народов иранского круга. Кроме того, Викандер уделил значительное внимание обрядовой стороне инициатических посвящений, роли оружия и крови в воинских инициациях юношей.

¹⁸ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004

¹⁹ Калиновская К.П. Возрастные классы как историческая форма общественной организации: Этнос Востока Африки. М., 2010.

²⁰ Weiser L. Altgermanische Junglingsweihen und Mannerbunde. Buhl, 1927.

²¹ Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Berlin, 1934.

²² Dumezile G. Mythes et dieux des Germains - Essai d'interprétation comparative. Paris, 1939.

²³ Vikander S. Der arische Männerbund: Studien zur indo-iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund, 1938.

«Волчью» тему применительно к мужским союзам индоевропейцев развил знаменитый румынский исследователь М.Элиаде в своей работе «От Залмоксиса до Чингиз-хана»²⁴. Элиаде анализирует момент превращения юноши в воина-зверя и поднимает ряд вопросов: во-первых, вопрос о способах аккумуляции и активации *furor heroicus*, а во-вторых – крайне важный вопрос о «парадигматическом подражании» – то есть о воспроизведении определенных действий, некогда якобы совершенных мифическим «волком-первопредком». Несмотря на не полностью верную оценку образца для подражания (как мы полагаем, речь идет не о мифическом первопредке, но об эпическом воине-образце), значимость постановки данного вопроса в книге румынского исследователя сложно переоценить.

Данная тематика также находит продолжение и в трудах отечественного историка А.И.Иванчика, например, в его большой статье «Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию». Иванчик подробно анализирует «волчий» сюжет в молодежной маргинальной героике у скифов и народов Ближнего Востока²⁵.

Значительное место «волчий сюжет» занимает и у М.Спейдела в его книге «Древнегерманские воины»²⁶, в которой он обстоятельно анализирует различные воинские «стили» древнегерманских племен. «Волк» как маргинал-изгой находится в центре внимания исследовательницы М.Р.Герстейн²⁷. Еще один российский исследователь, Е.А.Шинаков, высказывает идею «дружинного общества», возрастающего на «почве» воинских союзов, предлагая считать некоторые архаические социумы «дружинными»²⁸.

Определенное подтверждение концепция Шинакова находит в работах И.Нурдгрена²⁹ и Т.Брандта³⁰, убедительно доказывающих связь отдельных германских племен с «эфебическими» союзами молодежи, являющих изначально стратовое единство воинов, способное становиться ядром будущих народов.

Помимо вышеперечисленных, необходимо упомянуть также исследования Дж.Морленда, Л.Хедигер и А.И.Селицкого. В работе Дж.Морленда

²⁴ Элиаде М. От Залмоксиса до Чингиз-хана // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/Chingis/Index.php (дата обращения: 15.04.2010).

²⁵ Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // URL: http://liberea.gerodot.ru/a_hist/psy-voiny.htm#* (дата обращения: 17.09.2010).

²⁶ Speidel, M.P. Ancient Germanic Warriors. Warrior Styles from Trajan's Column to Icelandic Sagas. London, 2004.

²⁷ Gerstein, M.R. Germanic Warg: The Outlaw as Werwolf / Myth in Indo-European Antiquity / Ed. by G.J.Larson. London, 1974.

²⁸ Шинаков Е.А. Элитные воинские формирования и власть / Викинги между Скандинавией и Русью. Авт.-сост. А.А.Фетисов, А.С.Щавелев. М., 2009. С. 177-198.

²⁹ Nordgren I. Goterkällan: om goterna i Norden och på kontinenten. Odense, 2000.

³⁰ Brandt T. The Heruls // URL: <http://www.gedevasen.dk/heruls.pdf> (дата обращения: 18.07.2010).

«Концепции раннесредневековой экономики»³¹ анализируется присущая маргинальным воинским «социумам» экономика дара, являющаяся стимулом к типично воинской активности. В фокусе внимания Л.Хедигер³² находится занимающая в этой экономической модели центральное место фигура военного вождя. Работа А.И.Селицкого «Воданические короли: религиозный аспект формирования королевской власти у древних германцев»³³ также посвящена власти «конунга», но в связи с ее эволюцией в новый, собственно «королевский» тип власти и в аспекте ее сакрализации.

В последние десятилетия существует тенденция к рассмотрению проблем мужского союза как однополой группы или особого института в рамках исследований в области мужской групповой и гендерной психологии, поведения, проявлений «маскулинности». К таким работам можно отнести труды Р.Коннелл, Дж.Мессершмитта, Л.Тайгера, Х.Блазека, И.С.Кона.

Л.Тайгер в книге «Мужчины в группах»³⁴ видит корни различных специфически мужских («гомосоциальных») институтов (в том числе мужских союзов) с их особой эмоциональной атмосферой и групповой солидарностью, лежащими в области филогенеза. Исследователь выводит мужскую поведенческую стратегию, предполагающую «сбивание» в однополые группы, из необходимости слаженных действий на охоте в период существования ранних антропоидов.

Известный советский и российский сексолог И.С.Кон посвятил достаточно большое количество работ проблеме гомосоциальности, исследованию роли группы однополых сверстников как главного способа организации мальчиков на определенном этапе развития. Он констатирует практически полную невозможности избежать «сбивания» в такие группы – что является причиной высокой устойчивости мужских союзов.

В статье Р.Коннелл и Дж.Мессершмитта «Гегемонная маскулинность: пересмотренный концепт»³⁵ авторы описывают концепцию т.н. «гегемонной маскулинности» – специфически «суровых», подчеркнута доминантных лидерских качеств, которыми должен обладать индивид, желающий выдвигаться на ведущие позиции в гомосоциальном коллективе. Они указывают на то, что развитие качеств «гегемонно-маскулинной» модели быстро переходит на большую часть мужской группы, где появился ее представитель. Некоторая схожесть в «героическом» поведенческом образце и личности «гегемон-

³¹ Moreland J. Concepts of Early Medieval Economy / Long 8th Century / Ed. by Hansen I.L., Wickham C. Boston, 2000. P. 16.

³² Hedeager L. The Creation of Germanic Identity. A European origin-myth / Frontiers d'Empire. Nature et Signification des Frontieres Romaines / Ed. by Brun P., Leeuw S. van der, Whittaker C.R. Rouen, 1993. P. 121-131.

³³ Селицкий А.И. «Воданические короли»: религиозный аспект формирования королевской власти у древних германцев / Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. А.С. Мыльников, Т.А. Шрадер. СПб., 2002. С. 20-69.

³⁴ Tiger L. Men in Groups. Washington, 2005.

³⁵ Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept // Gender and Society. 2005. Vol. 19. №6. P. 829-859.

ной маскулинности», описанной австралийскими учеными, заметна невооруженным глазом.

Можно отметить также современного немецкого исследователя Х.Блазека, который посвятил достаточно обширную сводную работу различным типам «гомосоциальных» мужских объединений, а также проанализировал различные взгляды на их типологию и характер³⁶.

Разумеется, различные аспекты, входящие в комплекс проблем диссертационного исследования, не исчерпываются тематикой мужских союзов. Невозможно обойтись при изучении данной проблемы без общих работ по истории древней Скандинавии, как в эпоху викингов, так и в предшествующие времена. В числе таких исследований нужно назвать работы А.Стриннгольма³⁷, Х.Арбманна³⁸, П.Сойера³⁹, Т.Д.Кендрика⁴⁰, Г.Джонса⁴¹, Ж.Симпсона⁴², Э.Рёсдаля⁴³, А.Я.Гуревича⁴⁴, Г.С.Лебедева⁴⁵, А.А.Хлевова⁴⁶ и др.

Отдельное место занимают исследования по исторической климатологии, связанные с одним из эпизодов, играющих существенную роль, по моему мнению, для понимания процессов, происходивших в древнескандинавском обществе между серединой VI и концом VIII вв. Сюда можно отнести работы Д.Киза⁴⁷, К.Волетца⁴⁸, М.Бэйли⁴⁹, Дж.Ганна⁵⁰, А.Арьявы⁵¹, К.Тана⁵²,

³⁶ Blazek H. Männerbünde: Eine Geschichte von Faszination und Macht. Berlin, 1999.

³⁷ Стриннгольм А. Походы викингов. М., 2003.

³⁸ Арбманн Х. Викинги. СПб., 2003.

³⁹ Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2006.

⁴⁰ Kendrick T.D. A History of the Vikings. London, 1968.

⁴¹ Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2004.

⁴² Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура // URL: <http://bibliotekar.ru/vikingi/7.htm> (дата обращения: 18.04.2011)

⁴³ Рёсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001.

⁴⁴ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 2005.

⁴⁵ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

⁴⁶ Хлевова А.А. Предвестники викингов // URL: http://ulfdalir.narod.ru/literature/Hlevov_A_Predvestniki/index.htm (дата обращения: 13.10.2010).

⁴⁷ Keys D. Catastrophe: An Investigation into the Origins of the Modern World. New York, 2000.

⁴⁸ Wohletz K. Were the Dark Ages Triggered by Volcano-Related Climate Changes in the 6th Century? // URL: <http://www.ees1.lanl.gov/Wohletz/Krakatau.htm> (дата обращения: 29.10.2010).

⁴⁹ Baillie M.G.L. Dendrochronology raises questions about the nature of the AD 536 dust-veil event // The Holocene, 1994. Vol. 4. P. 212-217.

⁵⁰ Gunn J. The Years Without Summer: Tracing A.D. 536 and its Aftermath. Oxford, 2000.

⁵¹ Arjava A. Reassessing the Mystery Cloud of AD 536 // URL: <http://www.sott.net/articles/show/151739-Reassessing-the-Mystery-Cloud-of-AD-536> (дата обращения: 18.10.2010).

⁵² Than K. Slam dunks from space led to hazy shade of winter // New Scientist, 2009. №201. P.9.

совместные труды Д.Эббота, П.Бискайя, Дж.Коул-Дей, Д.Брегера⁵³; Л.Ларсона, Б.Виндтнера, К.Бриффы⁵⁴; Г.В.Рампино, Р.Стотерса⁵⁵. К ним автор обращается более подробно в третьей главе исследования.

Значительный акцент в работе делается на данные археологии, приводимые и анализируемые в различных исследованиях – в первую очередь следует назвать работы М.Аксбё⁵⁶, С.Митчелла⁵⁷, Н.Уикер⁵⁸, Х.Станга⁵⁹, Т.Брандта⁶⁰, М.Спейдела⁶¹, Х.Херке⁶², И.Нурдгрена⁶³, Дж.Хайнса⁶⁴, О.Клиндта-Йенсена⁶⁵, Г.С.Лебедева⁶⁶, А.А.Хлевова⁶⁷.

Различные аспекты скандинавской мифологии и ритуальной традиции раскрываются в трудах Х.Э.Дэвидсон⁶⁸, Дж.Линдоу⁶⁹, Дж.МакКуллоха⁷⁰, Б.Линкольна⁷¹, О.Хёфлера⁷², Е.М.Мелетинского⁷³, А.Я.Гуревича⁷⁴, А.А.Хлевова⁷⁵, Г.С.Лебедева⁷⁶, Ф.Н.Петрова⁷⁷ и др.

⁵³ Abbott D.H., Biscaye P., Cole-Dai J., Breger D. Magnetite and Silicate Spherules from the GISP2 Core at the 536 A.D. horizon // URL:

<http://adsabs.harvard.edu/abs/2008AGUFMPP41B1454A> (дата обращения: 29.10.2010)

⁵⁴ Larsen L.B., Vintner B.M., Briffa K.R. (и др.). New ice core evidence for a volcanic cause of the A.D. 536 dust veil // *Geophysical Research Letters*, 2008. №35.

⁵⁵ Stothers R.B., Rampino M.R. Volcanic eruptions in the Mediterranean before A.D. 630 from written and archaeological sources // *Journal of Geophysical Research*, 1983. №88. P. 57-71.

⁵⁶ Axboe M. Amulet Pendants and a Darkened Sun / *Roman Gold and the Development of the Early Germanic Kingdoms: Aspects of Technical, Socio-Political, Socio-Economic, Artistic and Intellectual Development* / Ed. by B.Magnus, Stockholm, 2001; Он же. The year 536 and the Scandinavian gold hoards // *Medieval archaeology*, 1999. №43. P.186–188; Он же. Året 536 // *Skalk*, 2001. №4. P.28–32.

⁵⁷ Mitchell S. A history of the later Roman Empire, AD 284-641: the transformation of the ancient world. Oxford, 2007.

⁵⁸ Wicker N. Display of Scandinavian Migration Period Bracteates and Other Pendant Jewelry as a Reflection of Prestige and Identity / *De re metallica: the uses of metal in the Middle Ages* / Ed. by Robert Bork. Aldershot, 2005. P. 49-59.

⁵⁹ Stang H. The Naming of Russia. Oslo, 1996.

⁶⁰ Brandt T. Op. cit.

⁶¹ Speidel, M.P. Ancient Germanic Warriors. Warrior Styles from Trajan's Column to Icelandic Sagas. London, 2004.

⁶² Härke H. Material Culture as Myth: Weapons in Anglo-Saxon Graves / *Burial and Society: The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data*. Aarhus, 1997. P. 119-127.

⁶³ Nordgren I. Op. cit.

⁶⁴ Hines J. Ritual Hoarding in Migration period Scandinavia: A review of recent interpretations // *Prehistoric Society*, 1989. Vol. 55. P. 193-205.

⁶⁵ Клиндт-Йенсен О. Дания до викингов. СПб., 2003.

⁶⁶ Лебедев Г.С. Указ. соч.

⁶⁷ Хлевов А. А. Указ. соч.

⁶⁸ Дэвидсон Х.Э. Древние скандинавы. Сыны северных богов // URL:

<http://ulfdalir.ru/literature/1418> (дата обращения: 18.11.2010).

⁶⁹ Lindow J. Norse Mythology: a Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford, 2002.

⁷⁰ McCulloch J.A. Eddic Mythology. Boston, 1930.

⁷¹ Lincoln B. The Indo-European Cattle-Raiding Myth // *History of Religions*, 1976. Vol. 16. P. 42-65.

⁷² Höfler O. Op. cit.

Источниковая база исследования включает в первую очередь обозначенные в заглавии работы источники – песни Старшей Эдды («Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга»⁷⁸, «Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга»⁷⁹, «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда»⁸⁰, «Гренландская песнь об Атли»⁸¹, «Речи Вафтруднира»⁸², «Речи Гримнира»⁸³, «Речи Регина»⁸⁴, «Прорицание вёльвы»⁸⁵), и исландские «саги о древних временах» («Сага о Вэльсунгах»⁸⁶, «Сага о Хервёр и Хейдреке»⁸⁷, «Сага о Гаутреке»⁸⁸, «Сага о Хрольве Жердинке и его витязях»⁸⁹, а также «Прядь о Норна-Гесте»⁹⁰, «Прядь о Торстейне Морозе»⁹¹).

Помимо этого, в работе над диссертационным исследованием привлекались и другие источники. В их числе – скальдическая поэзия, представленная стихами Эйвинда Погубителя Скальдов⁹², Эгиля Скаллаgrimссона⁹³, Лысого

⁷³ Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Вып. VIII.

⁷⁴ Гуревич А.Я. Эдда и сага / Гуревич А.Я. Норвежское общество. М., 2009. С. 13-151.

⁷⁵ Хлевов А. А. Указ. соч.

⁷⁶ Лебедев Г.С. Указ. соч.

⁷⁷ Петров Ф. Н. Эсхатологический миф: миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Челябинск, 2001.

⁷⁸ Первая песнь о Хельги Убийце Хундинга. Оригинальный текст // URL: <http://etext.old.no/Bugge/helga1.html> (дата обращения: 11.02.2011).

⁷⁹ Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга // URL: <http://norse.ulver.com/edda/helga2.html> (дата обращения: 12.11.2010).

⁸⁰ Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда. Оригинальный текст // URL: <http://www.voluspa.org/helgakvidahjorvardssonar6-10.htm> (дата обращения: 14.04.2010)

⁸¹ Гренландская песнь об Атли // URL: <http://ulfdalir.ru/sources/42/86/2007/2081> (дата обращения: 24.06.2011)

⁸² Речи Вафтруднира // URL: <http://norse.ulver.com/edda/vaftrudnis.html> (дата обращения: 22.11.2010).

⁸³ Речи Гримнира // URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/rgrimn.htm> (дата обращения: 18.09.2010).

⁸⁴ Речи Регина // URL: <http://norse.ulver.com/edda/regins.html> (дата обращения: 15.09.2010).

⁸⁵ Прорицание вёльвы // URL: <http://norse.ulver.com/edda/voluspa.html> (дата обращения: 18.09.2010)

⁸⁶ Сага о Вэльсунгах // URL: <http://www.ulfdalir.ru/sources/42/1220/533/535> (дата обращения: 22.05.2011)

⁸⁷ Сага о Хервёр и Хейдреке. Пер. Т.Ермолаева // URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/hervor/ru.html> (дата обращения: 21.10.2010).

⁸⁸ Gautrek's Saga and other medieval tales / Trans. by Pálsson H. and Edwards P. London, 1968.

⁸⁹ Сага о Хрольве Жердинке и его витязях. Прядь о Хельги // URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/hrolf/helga.html> (дата обращения: 18.05.2011)

⁹⁰ Прядь о Норна-Гесте // URL: <http://s-sagi.org.ua/history/saga6/> (дата обращения: 21.06.2011)

⁹¹ Прядь о Торстейне Морозе // URL: <http://www.s-tales.ru/index.php?id=11&story=408&page=1> (дата обращения: 21.06.2011).

⁹² Эйвинд Погубитель Скальдов. Отдельные висы. Перечень Халейгов // URL: <http://norse.ulver.com/poetry/eyvindr.html> (дата обращения: 15.09.2010).

⁹³ Эгиль Скаллаgrimссон. Выкуп головы / Корни Иггдрасиля. М., 1997. С. 273-276.

Грима⁹⁴ и иллюстрирующая, по моему мнению, поздний этап развития героической интерпретирующей традиции. Отдельное место занимают англосаксонские и германские произведения, тем или иным образом связанные со скандинавским ареалом – «Беовульф»⁹⁵, «Хелианд»⁹⁶, «Вальдере»⁹⁷, «Видсид»⁹⁸. Значительное место в работе занимают сведения, содержащиеся в труде Саксона Грамматика «Деяния данов» (*Gesta Danorum*)⁹⁹. В связи с ранними по хронологии сюжетами привлекаются источники, созданные в Средиземноморье – «Война с вандалами» Прокопия Кесарийского¹⁰⁰, «Церковная история» Иоанна Эфесского¹⁰¹ и «Хроника» Псевдо-Захария из Митилена, «*Variae*» Кассиодора¹⁰², «История народа лангобардов» Павла Диакона¹⁰³, «Гетика» Иордана¹⁰⁴, а также ирландские «Анналы Тигернаха», «Анналы Ульстера» и «Анналы Инисфаллена»¹⁰⁵.

Подробному анализу основных источников в рамках диссертации посвящена отдельная глава.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем содержится обоснование ряда новых теоретических положений, позволяющих глубже и полнее осмыслить истоки феномена экспансии викингов в эпоху раннего средневековья.

Диссертация является первой в отечественной исторической науке попыткой комплексного изучения истоков и проявлений феномена героического поведения в древнескандинавском обществе через призму культурной антропологии. В исследовании разрабатывается новый подход к проблеме изу-

⁹⁴ Грим Лысый сын Квельдульва. Отдельная виса // URL:

<http://norse.ulver.com/poetry/skallagrimer.html> (дата обращения: 15.09.2010)

⁹⁵ Беовульф // URL: http://www.fbit.ru/free/myth/texty/beowulf/beo_3.htm#24 (дата обращения: 17.05.2011)

⁹⁶ Heliand // URL: <http://www.wulfila.be/lib/sievers/1878/> (дата обращения: 22.06.2011).

⁹⁷ Waldere // URL: <http://www.heorot.dk/waldere.html> (дата обращения: 22.06.2011).

⁹⁸ Widsith // URL:

<http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/a3.11.html> (дата обращения: 22.06.2011).

⁹⁹ Saxo Grammaticus. Gesta Danorum // URL: <http://omacl.org/DanishHistory.html> (дата обращения: 17.04.2011).

¹⁰⁰ Прокопий Кесарийский. Война с вандалами // URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Prokop2/ (дата обращения: 4.12.2010)

¹⁰¹ Иоанн Эфесский. Церковная история // URL:

http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/ephesus_0_preface.htm (дата обращения: 13.11.2010).

¹⁰² Cassiodorus. *Variae* // URL: <http://freespace.virgin.net/angus.graham/Cassiodorus.htm> (дата обращения: 14.11.2010).

¹⁰³ Павел Диакон. История народа лангобардов // URL:

http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/frametext1.htm (дата обращения: 13.10.2010).

¹⁰⁴ Иордан. Гетика // URL: <http://www.alanica.ru/library/Iordan/iordan.htm> (дата обращения: 18.11.2010).

¹⁰⁵ Annals of Inisfallen // URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/T100004/index.html> (дата обращения: 4.12.2010); Annals of Tigernach // URL:

<http://www.ucc.ie/celt/published/T100002A/index.html> (дата обращения 4.12.2010); Annals of Ulster // URL: <http://www.ucc.ie/celt/online/T100001A/> (дата обращения: 4.12.2010).

чения экспансии викингов, ориентированный на интерпретацию культурных кодов и исследование поведенческих моделей. Выявлены причины изменений, произошедших в древнескандинавских культурных кодах и поведенческой практике с VI по VIII вв. н.э., прослежено влияние на процессы маргинализации и милитаризации общества ситуации дисбаланса в исходной социокультурной системе. Посредством сравнения с другими образцами (греческим, скифским, иранским и т.д.) в диссертации определена специфика скандинавского варианта общеиндоевропейского феномена героического поведения, проявившаяся в принятии им предельно радикальной формы, затронувшей не только круг мужчин-воинов, но и распространившей влияние на другие слои общества.

Впервые поставлен вопрос о степени влияния воинской интерпретирующей традиции на памятники древнескандинавской литературы, а также установлена ее роль в процессе смены поведенческих моделей. При этом опровергнут постулат об эпосе как об «опрокидывании» мифа в социальную сферу, показана непосредственная взаимосвязь героического нарратива, социального устройства и поведенческой психологии.

Наконец, обоснован взгляд на эпоху викингов как следствие развития героических поведенческих моделей и время их реализации в высшей форме.

Научно-практическая значимость проявляется в возможности использования материалов диссертационного исследования при подготовке общих и специальных курсов, преподаваемых в высшей школе. Диссертация могла бы оказаться полезной при подготовке базового курса «История средних веков», преподаваемого в рамках обучения специальности «всеобщая история», в первую очередь в той его части, которая относится к эпохе Великого переселения народов, «темным векам» и эпохе викингов. Феномен героического поведения и его влияние на воинскую элиту «варварских» германских обществ мог бы также послужить темой отдельного специального курса.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при дальнейшем научном изучении проблем предпосылок экспансии викингов, а также особенностей духовного и культурного развития древнескандинавского общества.

Апробация результатов исследования. Отдельные сюжеты, относящиеся к указанной теме диссертационного исследования, были освещены в шести научных статьях, опубликованных в различных изданиях, в том числе в журналах, принадлежащих к списку ВАК, а также в выступлениях на девяти научных конференциях: 1) «История. Экономика. Культура. Взгляд молодых исследователей. Всероссийская научная конференция аспирантов и молодых ученых» (Саратов, 2009, 2010, 2011); 2) «Новый век: Человек, общество, история глазами молодых. 52-я и 53-я международные научные конференции» (Саратов, 2009, 2010); 3) III и V Научные чтения памяти проф. А.И.Озолина (Саратов, 2009, 2011); 4) VIII Пирровы чтения: «Зверь как знак. Интерпретация культурных кодов» (Саратов, 2010); 5) III Международная научная конференция «Актуальные проблемы и современное состояние общественных наук в условиях глобализации» (Москва, 2011).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, анализируется степень изученности проблемы, её источниковая база, сформулированы цель и задачи, охарактеризована методология работы, научная новизна и практическая значимость.

В **первой главе «Методологические принципы научного изучения феномена героического поведения в архаических обществах»** основное внимание уделено концептуальным и методологическим положениям, на которых основано данное диссертационное исследование.

В начале главы обоснована концепция мифо-культурных оппозиций, представляющих структуру мира в глазах человека архаики в виде набора противостоящих друг другу категорий. Наиболее фундаментальной в ряду этих оппозиций предстает оппозиция Центр – Периферия, обнаруживающая свою универсальность в культуре различных народов. Корни этой оппозиции следует искать в отдаленном прошлом, так как становление мира культуры является результатом длительного процесса взаимовлияния биологической и социальной эволюции и тесно связано с процессами гоминизации.

Американский антрополог О.Лавджой, изучавший прямохождение у ископаемых гоминид, предположил, что для антропоидов на финальной, собственно «человеческой» стадии развития бипедии актуальным стал новый способ *«потребления территории»* – размежевание территориальных зон и сопряженных с ними способов добычи пищи между различными группами, формирующимися на данном этапе в стае. Лавджой выделяет три таких зоны:

1) *Центральная*. Зона проживания всех индивидов стаи, разбитых на нуклеарные семейные пары, место накопления запасов пищи, производства орудий труда, пресловутый «детский сад» etc;

2) *Серединная*. Пищевая территория самок стаи;

3) *Окраинная*. Пищевая территория самцов.

При неизбежном в данной территориальной схеме формировании групп, занятых активными поисками пищи, по половозрастному признаку должна была достаточно рано и четко обозначиться половозрастная специализация в видах и способах добывания пищи, а, следовательно, и в формах поведения, адекватных данным способам добывания пищи. Инвариантность поведения в данном контексте имела жесткую пространственную привязанность.

На описываемом этапе развития личности как целостности не существовало – наоборот, имела место предельная фрагментарность, мозаичность, встроенность человека в социальные механизмы коллективного поведения. Социальная роль жестко увязывалась с пространственными параметрами. Итогом стало формирование *безличной, территориально обусловленной*

идентичности, во многом определившее архитектонику¹⁰⁶ архаических систем.

Для обеспечения приспособленности человека к окружающему его в данный момент пространству в условиях бесписьменного общества архаики сложились особые механизмы накопления и воспроизведения поведенческих норм, объединяемые *логикой пространственного перехода* – единственно возможным в архаике взаимодействия зон. Такая логика предполагала возникновение «револьверной» структуры сознания, отвечающей за своевременное включение адекватного данной зоне набора качеств и актуализацию подходящей поведенческой стратегии, а также за выключение всех иных, чуждых для этой зоны модусов. Ключевое место в этой жесткой пространственно детерминированной системе логично занимали *ритуалы возрастных и сезонных пространственных переходов*, или *ритуалы инициации*.

Базовые пространственные зоны Центра и Периферии были наделены в рамках более позднего пространственно-кодowego мышления целым комплексом мировоззренческих функций: человеческому, упорядоченному, сакральному пространству Центра была противопоставлена принципиально «не-человеческая», хаотическая, профанная периферийная зона. В социальном смысле Центр (если транспонировать базовую модель, в частности, на индоевропейскую архаику) связывался с родовыми и сакральными установками, традиционным жречески-земледельческим обществом, мирным циклическим временем. Периферия, в свою очередь, противопоставляется Центру как маргинальная территория «дикого поля» и «распрямляющегося времени», где законы семьи, рода, традиционной сакральности неактуальны.

Первичной формой организации общества в периферийной зоне архаики стали *мужские воинские союзы*. Они формировали ядро сложившейся на Периферии военной элиты, выступали основными носителями маргинальной идеологии, психологии, этики, символической системы, особой воинской сакральности, оторванной от сакральности дома или урожая. На Периферии формируется специфически мужское, воинское, *героическое* общество. Периферийное существование, однако, характеризовалось статусной неустойчивостью и не могло не быть временным. В конечном итоге большая часть ушедших на Периферию возвращалась в Центр – чтобы приобрести новый, более высокий социальный статус, приобщиться к наследию предков, быть вовлеченными в иные общественные отношения, наконец, достойно окончить жизненный путь и обрести покой в «правильной» земле.

Если исходить из принципа общности индоевропейских социумов, скандинавское общество не является уникальным, но представляет собой один из частных случаев базисной модели. Существенно, однако, другое: модель описывает указанную социокультурную систему в состоянии относительно стабильного равновесия. Для «мутации» же этой системы в условиях Скан-

¹⁰⁶ Под архитектурикой здесь понимается общая внешняя форма строения системы и взаимосвязи ее элементов. Термин выбран благодаря своей тесной взаимосвязи с пространственными категориями.

динавии в привычный для нас вид «общества викингов» необходимо было нарушение такого баланса.

Во второй главе «Источниковедческие аспекты осмысления феномена героического поведения в древнескандинавском обществе» более подробно рассматривается источниковая база исследования.

Первый параграф «Старшая Эдда» посвящен рассмотрению эддических песен как источника по изучению заявленной проблематики героического поведения, а также внешней и внутренней характеристике отдельных героических песен Старшей Эдды, использованных в данной работе (первой и второй «Песен о Хельги Убийце Хундинга», «Песни о Хельги сыне Хьёрварда», дополнения «О смерти Синфьотли», «Гренландской песни об Атли», «Речей Вафтруднира», «Речей Гримнира»).

Работу с эддическими песнями отличает определенная специфика. Помимо разновозрастной архаичности языка, мы сталкиваемся с тем фактом, что в Эдде нет планомерно развивающейся, пространной эпопеи, объединенной общими героями и временной последовательностью. Напротив, отдельные сюжеты отличаются динамичностью и сжатостью, даже «спрессованностью». Причиной этому служит то обстоятельство, что на самых ранних этапах развития эпоса все без исключения героические персонажи составляли неразрывное ритуальное единство. Отдельные герои представляли собой сугубо функциональные, наделенные именами воинские поведенческие модулы. Нарратив же, протагонистом в котором такой герой служил, был своего рода учебным материалом, при усвоении которого вырабатывался полноценный набор реакций на возможные пространственно обусловленные ситуации. Очевидно, что для каждой из подобных ситуаций был по сути прописан образ действия, соответствующий действию фигурирующего в соответствующем тексте персонажа. Иными словами, центральные героические фигуры Эдды являются *поведенческими инвариантами*.

Основной принцип подбора источников в круге текстов Старшей Эдды продиктован, таким образом, именно изучением отдельных героев эддических песен как поведенческих «образцов». В первую очередь речь идет о персонажах «вэльсунгского цикла» – Хельги и Синфьотли.

Второй параграф «Исландские саги» отводится специфике данного вида источников с точки зрения изучаемой проблемы. В первую очередь речь в нем идет о «героических» сагах, иначе называемых «сагами о древних временах». Произведена характеристика отдельных саг, таких, как «Сага о Вэльсунгах», «Сага о Хервёр и Хейдреке», «Сага о Гаутреке», а также входящие в состав более крупных произведений пряди – «Прядь о Норна-Гесте», «Прядь о Торстейне Морозе».

В рамках естественного процесса накопления социальной памяти в традиционном обществе (попыткой восстановления традиций которого было переселенческое общество Исландии) происходит постоянное обращение к опыту предыдущих поколений, предков. Предки же значительного числа исландцев были викингами – носителями периферийной, маргинальной воинской идеологии, представителями совершенно иного поведенческого типа.

Распространенная в их среде нарративная традиция была совершенно иной по природе.

Поэтому в исландских сагах можно наблюдать конфликт между методом наррации (спокойно-объективным, выраженным «повседневным» языком) и «зашифрованным» героическим содержанием. Предметом изображения саги, как правило, служит отнюдь не быт – но решающие, поворотные моменты в их жизнях, т.е. такие моменты, когда они демонстрируют примеры *героического поведения*. В центре сюжета – кровопролитные распри, убийства, ранения и калечение, объявление вне закона и изгнание; набор героических псевдожанров внутри негероической формы. В ряде же произведений, в первую очередь так называемых «сагах о древних временах» (*fornaldarsögur*), была воспроизведена сама героическая, воинская традиция. Поэтому литература саг – своеобразная, но неотъемлемая часть эпической традиции, являющаяся крайне ценным слагаемым источниковой базы данного диссертационного исследования.

Третий параграф «Дополнительные источники» содержит краткую характеристику других источников, к которым мы обращались во время работы над диссертационным исследованием. Некоторые из них, такие, как, например, «Беовульф» и другие англосаксонские поэмы, являются генетически близкими скандинавскому эпосу: содержат заимствования из него, располагают общими сюжетами и т.д. Другие – к примеру, труд Саксона Грамматика – включают пересказы ныне утраченных героических нарративов или элементы, не вошедшие в известные нам «канонические» эпические сюжеты, что представляет немалую ценность, или описывают нормативную для героической скандинавской традиции эпоху Великого переселения народов. Третьи, подобно ряду средиземноморских раннесредневековых авторов, не имеют прямого отношения к северной географической зоне, и их тексты привлекаются для более подробного рассмотрения ряда отдельных вопросов (например, связанных с глобальными событиями середины VI вв.).

Таким образом, в работе над диссертацией был привлечен достаточно обширный круг исторических источников, как относящихся непосредственно к проблематике работы и помогающих в решении поставленных исследовательских задач, так и затрагивающих отдельные аспекты изучаемой темы.

В третьей главе «Причины и факторы дисбаланса базисной модели в Скандинавии» затрагивается вопрос о тех силах, которые подтолкнули социокультурную обстановку в древней Скандинавии в сторону маргинализации и радикализации.

Архаическое сообщество отличается крайней степенью ригидности в силу существования жесткой системы пространственно-кодовых ориентиров. Кризис подобного сообщества может быть вызван только радикальной сменой семантической «наполненности» одной или нескольких пространственно-магистических зон. Утрата скандинавским Центром прежнего значения неизбежно должна была быть связана с его «дискредитацией» и как плодородной, и как статусной территории. Задачей данной главы диссертационно-

го исследования, таким образом, явилось рассмотрение причин такого рода «дискредитации» исконной скандинавской территории.

В первом параграфе «Климатический фактор» ставится вопрос о снижении «плодородного» статуса Центральной зоны. Наиболее очевидная причина этого – потеря плодородия как такового; такая постановка вопроса в конечном итоге приводит нас к рассмотрению климатического фактора как одного из наиболее значимых.

Конец IV века в Европе отметился резким похолоданием, пик которого пришелся на следующее, V, столетие (в целом же влияние похолодания ощущалось вплоть до VIII века), падением урожайности и подтоплением отдельных регионов европейского Севера. Однако особое место в структуре климатических изменений занимает природный катаклизм, произошедший в первой трети VI столетия. В различных отраслях современной научной литературы об этом событии говорят как о «катастрофе 535-536 гг.», «дымном покрове», «времени помраченного солнца» и «годах без лета». Основная версия объяснения этого события – вулканическая. Предполагается, что в результате извержения вулкана или ряда вулканов, в атмосферу и тропосферу Земли были подняты тонны вулканического пепла в смеси с серной кислотой и массами водяного пара. Образовался «сухой туман» (*dry fog*), аэрозоль серных газов, способный сохраняться в атмосфере длительное время и легко задерживающий солнечные лучи, что неизбежно вызывает заметное похолодание. По сути, этот эффект был схож с эффектом ядерной зимы.

Вместе с упадком земледелия и пастбищного скотоводства Центр как кормовая территория должен был деградировать, а статусность занимающих в этой пространственной зоне ключевое положение людей (жрецов и патриархальной знати) – терять прежнюю притягательность. Эти процессы, несомненно, немало способствовали переносу магико-социального акцента на Периферию.

Во втором параграфе «“Магнетизм лимеса”, ксенократический вектор и проблема герулов» анализируются причины повышения социального престижа периферийной пространственной зоны и складывания ситуации «инвазии» Периферии в центр.

В условиях обилия и доступности богатств сопредельных римских территорий, фокус германо-скандинавской воинской Периферии неизбежно должен был переместиться со «своего» на «чужой» Центр. Центростремительный вектор, одна из отличительных черт базовой модели, при этом сохранился, но пространственная ориентация начала рушиться: новый Центр вытесняет прежний на окраину, что способствовало маргинализации всей прежней пространственной структуры. Общество стремительно варваризировалось и в итоге приобретало особый «ksenokraticheskiy» характер: «дистанционная эксплуатация» чужого сообщества была, очевидно, значительно проще, чем сложный исходный вариант с инициацией в высший мужской статус в традиционном Центре. Внутренним итогом перемещения фокуса стал рост притягательности периферийного существования – число желаю-

щих обладать благами богатого чужого сообщества должно было неизбежно увеличиваться.

После обширных миграций воинских элит, произошедших в течение V века, в Скандинавии начал, по всей видимости, ощущаться вакуум власти. В сложившейся ситуации необыкновенно важным видится произошедшее в первой трети VI века событие, известное как «возвращение» герулов. Герулы, изначально происходящие из северной Фризии или Шлезвига, к VI в. представляли собой воинский псевдоэтнос, сочетавший как германские, так и иноэтнические (сармато-аланские) элементы. Грабители, морские пираты и наемники, герулы так и не создали полноценного государства, продолжая кочевать по Восточной Европе, при этом поддерживая, видимо, связи со своей прародиной. Разгромленные в конечном итоге лангобардами в 506 г., они предприняли свой поход на север и, наконец, прибыли в Скандинавию.

Очевидно, герулы постепенно заняли в скандинавской общественной системе, сначала в средней Швеции, а затем и на более обширных территориях, фактически пустовавшее место воинской элиты. Можно предположить, что события 535-536 и последующих лет только сыграли на руку герульским «королям-пиратам» в установлении нового, маргинально-воинского типа власти. Постепенно ассимилируясь с преобладающим местным населением, герулы, тем не менее, втянули его в свое культурное поле, и определенно имевший место социально-религиозный синтез проходил при очевидном доминировании воинской, «герульской» составляющей, что соответствующим образом повлияло на основные поведенческие стратегии.

Охватывая все большее число людей, героический поведенческий модус в Скандинавии неизбежно должен был (по указанным выше причинам) породить некоторое количество инвариант, которые представляют интерес в контексте диссертационного исследования

Четвертая глава «Основная поведенческая модель: “волчьи герои”» посвящена рассмотрению нормативного героического поведенческого типа – типа, непосредственно связанного с волчьими образами и «вельсунгской» сюжетикой. В ней ставились следующие задачи: 1) Определить место волчьего образа в пространственно-ориентированном культурном коде древней Скандинавии; 2) Выявить основные принципы функционирования «волчьего» героического поведенческого модуса; 3) Установить характерный алгоритм судьбы «волчьего» героя; 4) Рассмотреть два наиболее ярких поведенческих образца в рамках указанного типа.

Первый параграф «Песье-волчья дихотомия в скандинавской архаике» раскрывает сущность противостояния в рамках стративного воинского единства. «Псы» – это статусные воины, которые находятся внутри (но на страже, *на границе*) центральной зоны, в противовес откровенно маргинальным «волкам», обитателям Периферии. В скандинавской традиции дихотомия представлена в виде противостояния двух «родов» – Хундингов и Вельсунгов-Ильвингов.

В гипотетическом классическом варианте, по идее, «волчий» и «собачий» модусы должны находиться в относительно устойчивом равновесии –

ведь каждый волк в идеале должен превратиться в «пса», отойдя от дикой жизни и став статусным мужем, а затем и продолжив род. Однако в Скандинавии процедура обратного перехода, перемещения в Центральную зону, в приведенных в параграфе сюжетах предстает как *необязательная* и, более того, *постыдная* для постоянных обитателей скандинавской воинской Периферии. Таким образом проявляется специфика скандинавского ультравоинского варианта, когда первые роли начинают играть «волчьи» герои и, следовательно, на первый план выводится «волчья» же поведенческая стратегия.

Во втором параграфе «Образы большого рога из Галлехуса как “трафарет” героической судьбы» анализируется алгоритм героического поведения, по нашему мнению, нашедший отображение в визуальном тексте – изображениях на ныне утраченном золотом артефакте из датского Галлехуса.

Отмеченный в обилии представленной на нем «волчьей» символикой и сюжетами, связанными, по мнению автора, с воинской инициацией и маргинальной зоной пространства, большой рог из Галлехуса представляет своего рода учебник по ритуалам перехода, магический «трафарет» идеальной воинской судьбы, демонстрирующий нам различные этапы жизни воина-«волка» и актуализирующий различные сценарии «волчьей» поведенческой стратегии (волк – юный воин, волк-изгнанник, волк-преступник). На основании анализа данного артефакта можно составить представление об искомом алгоритме существования «волчьего» героя.

Третий параграф «Идеальная модель героя: Хельги», посвящен исследованию параметров основной воинской поведенческой инварианты, представленной в образе героя Хельги из «рода» Вэльсунгов.

В параграфе на основе анализа «Песен о Хельги Убийце Хундинга» и «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» продемонстрированы такие универсальные ступени героического пути, как символическое «рождение» в воинском статусе, обречение на героическую судьбу, сопряженное с обретением имени и оружия, связь с валькирией, упрочивающей его мужской статус и подстрекающей на битву, наконец, апогей существования – героическая гибель. Рассматриваются также и волчьи коннотации в образе Хельги и существенные различия между разновременными вариантами легенды о нем. По мысли автора, именно образ Хельги (особенно в «Первой песни о Хельги Убийце Хундинга», возможно, позднейшей в Старшей Эдде) является воплощением нормативной героической стратегии, с одной стороны, очевидно маргинально-воинской, но, с другой, лишенной крайних проявлений в духе «синфьотлианского» сценария.

Четвертый параграф «Радикальный героический тип: Синфьотли» затрагивает вопросы, связанные с другим Вэльсунгом, братом Хельги, плодом инцеста между Сигмундом и его сестрой Сигню – героем-трикстером Синфьотли.

Синфьотли – вне всяких сомнений, один из наиболее значимых героев вэльсунгского цикла. Еще Юнг и юнгианцы отмечали важнейшую функцию инцестуальной, «неправильной» связи в становлении героя и в проявлении

«героического» в мужчине. Будучи объектом ритуального запрета в центральной зоне, инцест, с точки зрения нормативного сознания ее обитателя, не мог и не должен был порождать «человеческих» детей. Такого рода контакты всегда приводили к появлению «щенков», бастардов, по сути лишенных человеческого статуса. Путь «старшего сына», хранителя семейного блага, статусного хозяина, для Синфьотли, таким образом, был навсегда и по умолчанию закрыт. Синфьотли предстает перед нами вечным юношей-воином, что дает ему, в глазах аудитории эпического текста, своего рода индульгенцию на радикально-героическое поведение в формах абсолютного неприятия центральных норм и последовательно осуществляемой крайней жестокости.

Представляется, что именно во времена морских походов, когда значительную часть викингских экспедиций составляли оставшиеся без «отчин» младшие сыновья, многочисленные бастарды и дети, не знавшие своих отцов, образ Синфьотли должен был приобрести особую популярность. Полностью лишенный аспекта «защитника», лихой, злоязычный грабитель идеально подходил на роль героического «мерила».

Центральное место в пятой главе «**“Другие” герои**» отводится рассмотрению альтернативных героических модусов, представленных в источниках. В этой главе были поставлены следующие задачи: 1) выделить несколько основных альтернативных героических моделей и рассмотреть их; 2) выявить их сходства и различия в сравнении с нормативной и радикальной моделью «волчьего» героя; 3) показать влияние героической интерпретирующей традиции на восприятие образов ранних героев; 4) продемонстрировать своеобразие женского типа в сугубо мужском героическом пространстве.

В первом параграфе «Судьба “отступника”: Старкад» рассматривается фигура Старкада, вероятно, одного из наиболее древних персонажей скандинавского эпоса.

Согласно источникам, известное время Старкад находится в статусе избранника самого Одина, являя пример типично «волчьего» персонажа с соответствующей моделью поведения. Пройдя два этапа инициации, сопряженные с совершением жестоких деяний, он трансформируется, по сути, в чудовище, но затем, что примечательно, раскаивается в своих поступках. Такое поведение ни в коей мере не подобает воителю-волку – герой не знает сожалений, не раскаивается, не испытывает терзаний. Очевидно, именно в силу раннего формирования образа Старкада, он не «круглогодичный волк», но сезонный оборотень, его маргинальность непостоянна.

Именно поэтому в отражении поздней героической традиции фигура Старкада подвергается последовательному снижению, как это продемонстрировано в данном параграфе.

Второй параграф «Женский героический тип: Хервёр» посвящен анализу поведенческой стратегии «переодевания в героя» через рассмотрение центрального женского персонажа «Саги о Хервёре и Хейдреке».

Женщина в андроцентрическом воинском мире в первую очередь есть атрибут мужчины; сама по себе ее фигура ни сказителю, ни слушателю эпического сказания, как правило, не интересна. В скандинавском «героическом мире», однако, неизбежна была эволюция женского героического типа, причем типа радикального, адекватного центральной «вэльсунгской», волчьей традиции. Пожалуй, самым наглядным примером такого типа является Хервёр из «Саги о Хервёр и Хейдреке».

Рожденная от берсеркера, Хервёр с самого момента появления на свет внушает страх и опасения, что она пойдет по стопам своего отца и его братьев. Самим фактом рождения от такого человека девушка обязана заложенной в ней героической стратегии, а то обстоятельство, что Хервёр должна была быть «оставлена» (по традиции инфантицида), делает ее, как то и подобает герою, магически мертвой. Затем она переживает те же этапы воинской инициации, что и многие другие героини-мужчины, завладевая в итоге проклятым мечом и губя свой род, то есть вырываясь за пределы женской, домашней поведенческой линии.

В заключении подводятся основные итоги работы.

Героический, периферийный модус поведения сам по себе не является чем-то специфически скандинавским. Он существует в любой системе с четким разделением пространственных «ролей». Однако только в древней Скандинавии он предстает перед нами в редком многообразии крайних форм.

«Героический мир» древних скандинавов, оставивший свой отпечаток в истории и культуре на много поколений вперед и воплотившийся в апогеейной форме в эпоху викингов, был вызван к жизни весьма специфическими обстоятельствами. Представляется, что изначально существовавшее во вполне устойчивом равновесии базисной модели, древнескандинавское общество на определенном этапе развития (наступившем после великого переселения народов), пережило определенного рода перерождение, связанное с дисбалансом пространственных зон. Из-за существенного понижения исходного «плодородного» статуса центральной зоны в результате катастрофических событий второй трети VI века, авторитет патриархальной, связанной с хозяйственной деятельностью элиты и традиционного жречества упал ниже допустимого в рамках базисной модели предела. Эта ситуация хронологически совпала с «возвращением» герулов – то есть приходом на скандинавские территории агрессивной, этнически разнообразной и прошедшей горнило Великого переселения воинской элиты. Эта группа заняла место, ставшее вакантным после «выхода» из Скандинавии части прежних элит.

Сформировав, очевидно, правящий класс Венделя и Вальсёрде, герулы, потомки которых составили впоследствии скандинавский правящий класс «ярлов», оказали несомненное влияние на весь облик древнескандинавской культуры. Произошел «дрейф» в сторону сугубо периферийно-ориентированного социокультурного устройства. Преобразившись в результате дисбаланса пространственной структуры, скандинавская культура приобрела подчеркнуто милитаризированный, маскулинный характер. Периферийный способ существования стал единственно возможным для мужчины-

воина. Количество маргинальных воителей должно было неизбежно увеличиваться, внутренняя иерархия – усложняться. Это породило, с одной стороны, обилие и разнообразие воинских поведенческих инвариантов, которые и воплотились в фигуры различных героев эпоса; с другой стороны, вызвало к жизни развитие героической интерпретирующей традиции – обеспечившей восприятие мифологических и мировоззренческих представлений именно через призму взгляда воина («героя») и перетолковавшей более ранние представления о самом героическом поведенческом типе.

Поведенческий образец, которым являлись героические модусы, не являлся объектом литературного мира. Он образовывал двустороннюю связь: поведенческие особенности реальных воинов формировали потребность в установлении адекватного модуса, воплощенного в образе героя эпоса, он же, в свою очередь, влиял на следующие поколения «волчат». И хотя, по словам А.Я. Гуревича, «время героической песни – абсолютное эпическое время»¹⁰⁷, следует помнить, что каждое из героических событий, расположенных на временной шкале между этим временем и условной современностью, потенциально может «обрасти» собственной, отдельной героической эпохой, со временем способной даже вытеснить изначальную, но, несомненно, функционирующей по принципиально сходным законам. Для исландца XII – XIII веков Данпар, Мюрквид, готские, бургундские, гуннские «ярлства» были всего лишь бледными тенями, отзвуками давно минувшего; а вот эпоха викингских походов – уже героизированным, но не столь отдаленным прошлым, и прежние героические образцы вновь воспроизводились в новом хронотопе.

¹⁰⁷ Гуревич А.Я. Эдда и сага. С. 31.

Проблематика диссертационного исследования нашла отражение в 6 публикациях.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

Философов И.Ю. Климатическая катастрофа 535-536 гг., «возвращение герулов» и миф о Рагнарёке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Саратов, 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 65-69.

Философов И.Ю. Волчьи, вороньи и змеиные мотивы в древнескандинавской символике оружия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Саратов, 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 7-12.

Статьи в других изданиях:

Философов И.Ю. Адовы муки Старкада: эпизод «Пряди о Торстейне Морозе» и героическая интерпретирующая традиция // Общественные науки. М., 2011. №7. С. 346-352.

Философов И.Ю. Волчьи образы большого рога из Галлехуса: попытка интерпретации / Зверь как знак. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2011. С. 88-103.

Философов И.Ю. Славяне в битве при Бравалле // Славянский сборник. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 7-14.

Философов И.Ю. К вопросу о причинах, особенностях возникновения и характере раннесредневековой датской знати // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2008. Вып. 7. С. 3-11.

Философов Игорь Юрьевич

**ФЕНОМЕН ГЕРОИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ
СКАНДИНАВИИ: ИДЕАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ПОВЕДЕНЧЕ-
СКАЯ ПРАКТИКА (ПО ДАННЫМ ЭДИЧЕСКИХ ПЕСЕН И
САГ О ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Подписано в печать 10.11.2011 Формат 60×48 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ № 271-Т

Типография Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского
410012 г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. . 112 а
Тел.: (8452) 27-33-85